

УДК 37.018

ББК 74.9

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.Н. МУРАВЬЕВА-ВИЛЕНСКОГО

Е.Б. Емченко

Аннотация. *М.Н. Муравьев-Виленский — видный государственный и военный деятель России. В течение двадцати лет (1842–1862 гг.) он возглавлял Межевой корпус и был попечителем Константиновского межевого института. Он стал инициатором многочисленных реформ в образовании, в результате которых институт приобрел статус высшего учебного заведения и превратился в одно из ведущих инженерных учебных заведений России. М.Н. Муравьев был не только организатором образовательного процесса, но и проявил себя как талантливый педагог, чья педагогическая деятельность началась с 14 лет в Московском обществе математиков.*

Ключевые слова: *Константиновский межевой институт, М.Н. Муравьев-Виленский, история образования в XIX веке в России.*

PEDAGOGICAL ACTIVITY OF M.N. MURAVYOV-VILENSKY

E.B. Emchenko

Abstract. *M.N. Muravyov is a prominent statesman and military figure of Russia. Heading the Boundary Corpus for 20 years, he was a Trustee of the Constantine Boundary Institute. He initiated numerous reforms in education, as a result of which the Institute acquired the status of a higher education institution and became one of the leading engineering institutes in Russia. M. N. Muravyov was not only the organizer of the educational process, but also proved to be a talented teacher, whose pedagogical activity began at the age of 14 in the Moscow society of mathematicians.*

Keywords: *Constantine Boundary Institute, M. N. Muravyov-Vilensky, history of education in the XIX century in Russia.*

275

© Емченко Е.Б., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Граф М.Н. Муравьев-Виленский был видным государственным и военным деятелем России. Еще при жизни Михаила Николаевича (1896–1866) представителями революционного движения, народничества, а также некоторыми деятелями либерального движения, особенно после подавления восстания поляков в Северо-западном крае Российской империи в 1863 г., было сформировано крайне негативное к нему отношение: «вешатель», «людоед», палач, крепостник и т.д. Созданный миф прочно вошел в советскую историографию, и только в постсоветское время появилось множество исследований — монографий, диссертаций, статей, в которых предпринята попытка переосмыслить и по достоинству оценить деятельность этого незаурядного и неоднозначного государственного деятеля [1–7 и др.]. Основные темы этих исследований: история управления различными губерниями — Курской, Гродненской, Виленской, участие в декабристском движении, проект отмены крепостного права и др. В то же время до недавнего времени современные ученые практически не касались периода, когда М.Н. Муравьев возглавлял Межевой корпус и был попечителем Константиновского межевого института (1842–1862 гг.). Именно на этот период приходится пик педагогической деятельности М.Н. Муравьева, которая и стала предметом анализа в данной статье. Исключением можно считать две работы, посвященные деятельности М.Н. Муравьева как попечителя: «Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1789 год», написанный директором КМИ с 1864 по 1879 г. А.Л. Апухтина (1822–

1903 гг.) [8], и «Московский государственный университет геодезии и картографии (МИИГАиК). История создания и развития. 1779–2004», автором-составителем которого является доктор географических наук, профессор МИИГАиК В.С. Кусов [9].

Книга А.Л. Апухтина (1822–1903) представляет очень подробную летопись института, которую он излагает с использованием архива института — отчетов, планов, разного рода записок, писем. Раздел книги, посвященный периоду попечительства М.Н. Муравьева, можно рассматривать как источник. А.Л. Апухтин был не только современником М.Н. Муравьева, он работал с ним и прекрасно знал. Поэтому в книге он делится как своими личными воспоминаниями, так и воспоминаниями преподавателей и воспитанников.

В монографии В.С. Кусова основное внимание уделено исследованию образовательной деятельности в КМИ, а также участию преподавателей и воспитанников в различного рода экспедициях и научных исследованиях, организованных М.Н. Муравьевым.

Большой объем информации о деятельности М.Н. Муравьева на этом посту содержится в архивных документах, прежде всего, сохранившихся в составе фонда 1295 (Канцелярия Главного директора Межевого корпуса и Управление межевой частью Министерства юстиции, г. Петербург) РГАДА.

Анализ этих источников и литературы позволяет предположить, что в истории российского образования М.Н. Муравьев был одним из самых юных преподавателей. Свою преподавательскую деятельность на общественных началах он начинает в

1810 г., когда ему было всего 14 лет. Являясь студентом физико-математического факультета Московского университета, при помощи своего отца Николая Николаевича Муравьева (1768–1840) он создает «Московское общество математиков».

Знаний, которые давал университет, ему явно было недостаточно. Увлечение математикой, видимо, началось с раннего детства, во многом благодаря отцу и домашнему образованию. Необходимо обратить внимание также на тот факт, что родной дед его Николай Ерофеевич Муравьев (1724–1770) генерал-инженер, будучи преподавателем Шляхетского кадетского корпуса, написал и издал в 1752 г. в Петербурге первую часть «Начального основания математики» (вторая часть осталась неизданной) и как опытный геодезист принимал участие в составлении «Инструкции» по генеральному межеванию Екатерины II. Увлечение математикой и любовь к преподавательской деятельности передались и его сыну Николаю Николаевичу Муравьеву, заботами своего отчима князя Александра Васильевича Урусова (1729–1813) окончившего Страсбургский университет, а также его внуку Михаилу Николаевичу [10, с. 5–6].

Любопытно, что деятельность деда со стороны матери Александры Михайловны Мордвиновой (1769–1809) — инженера-генерала Михаила Ивановича Мордвинова (1730–1782) также была связана с педагогической деятельностью. В 1775 г. он основал «Училище чужестранных единоверцев» («греческая гимназия») для воспитания и обучения привезенных из Греции и с грече-

ских островов мальчиков для борьбы с Турцией. Под его управлением находились артиллерийские и инженерные кадетские корпуса.

Возможно, следуя семейной традиции и благодаря домашнему образованию и воспитанию, юный Михаил опережал университетскую программу.

«Московское общество математиков» располагалось в доме, принадлежавшем отчиму Н.Н. Муравьева князю Урусову на Большой Дмитровке, где стала жить его семья. Содержалось Общество за счет Н.Н. Муравьева. Слушателям были предоставлены необходимые книги и инструменты. Н.Н. Муравьев был избран президентом общества, а Михаил — вице-президентом и директором. Наравне с преподавателями Московского университета он читал бесплатные публичные лекции по аналитической и начертательной геометрии, которые отсутствовали в университетском курсе [5, с. 21–36].

Сохранился устав Московского общества математиков. Он был опубликован в воспоминаниях Николая Васильевича Путяты о Н.Н. Муравьеве. По уставу «истинная и чистейшая любовь к Отечеству» побудила к созданию общества, целью которого является распространение математических знаний: «преподавание, сочинение и переводы». Общество состоит из почетных и ординарных членов, из которых избирается президент, а из числа только «ординарных» — директор (Михаил Муравьев), секретарь и лекторы «по большинству голосов». Только президент имеет второй голос в случае «равенства голосов». В случае, если большинство не согласно с президентом, он не должен «противоречить» «ис-

полнению определения». Таким образом, одним из основных принципов Устава являлось демократическое устройство, а также определенная открытость Общества. Каждый месяц собирались «частные собрания», во время которых иногда проходили экзамены, и дважды в год собирались «общие собрания», куда приглашались «посторонние посетители», и экзамены проходили в их присутствии — своего рода публичные экзамены.

Лекторы ежемесячно сдавали отчет о пройденном материале. В случае нарушения слушателем «правил благопристойности» и «нерадения», лектор напоминал его обязанности, при повторном нарушении — докладывал директору, в исключительных случаях имел право «выставить» с лекции. Слушатели обязаны были во время лекции сохранять молчание, с уважением относиться к лектору, отвечать на поставленные лектором вопросы, «должны быть прилежны и рачительны» и каждые шесть месяцев сдавать отчет «в своих успехах и знаниях», иначе последует исключение из числа слушателей [11, с. 23–30; 10, с. 53–68]. Среди лекторов были студенты и преподаватели Московского университета, в частности, математик и в будущем ординарный профессор и декан отделения физических и математических наук Павел Степанович Щепкин (1793–1836).

В апреле 1811 года устав был «высочайше» одобрен по представлению министра просвещения. Деятельность Московского общества математиков была прервана войной. 23 декабря 1811 г. юный Михаил в 15 лет поступает в школу колонновожатых в Петербурге, сдав экзамен по

математике академику С.Е. Гурьеву (1766–1813), и становится дежурным смотрителем над колонновожатыми и преподавателем математики, а затем экзаменатором при Главном штабе [12].

Участие в войне, тяжелейшее ранение в Бородинском сражении и возвращение на военную службу, безусловно, оказали значительное влияние на М.Н. Муравьева. Сформировалась требовательность к себе и другим, радикальный патриотизм, рыцарское отношение к службе («готов жертвовать собою»), личное бескорыстие и т.д. [5, с. 34–36].

К преподавательской деятельности, которую он воспринимает как служение Отечеству, он возвращается в 1815 г., параллельно участвуя в первых декабристских организациях «Союз Спасения» и «Союз благоденствия».

По предложению начальника Главного штаба Его императорского величества князя Петра Михайловича Волконского (1776–1852) в начале 1815 г. Н.Н. Муравьев учредил в том же доме на Большой Дмитровке, который перешел ему в наследство, и на тех же основаниях, что и Московское общество математиков, то есть на свои средства, знаменитое «Московское учебное заведение для колонновожатых». Летом 1815 г. его слушатели отправились на практику в усадьбу «Александровское-Осташево», принадлежавшую Муравьевым, куда в сентябре 1815 года поправить свое здоровье после службы на Кавказе приехал Михаил. Столкнувшись с «разгульным» образом жизни молодых людей, которые пользовались добротой и «мягкосердечием» его отца, он понял, что ему необхо-

дим помощник. После беседы с отцом «по общему соглашению» был составлен план устройства заведения. Для преподавания математики на безвозмездной основе были приглашены профессора московского университета П.С. Щепкин и Ф.И. Чумаков (1782–1837). Для поднятия дисциплины для слушателей были шпиги мундиры. В 1816 г. после посещения Московского заведения императором и князем Волконским, двадцатилетний поручик Генерального штаба М.Н. Муравьев был прикомандирован к учебному заведению своего отца. Именно благодаря участию Михаила Николаевича был продуман и рассчитан учебный план, составлены программы дисциплин и, самое важное, 23 октября 1819 г. князем Волконским был утвержден устав. Особое внимание уделялось нравственному воспитанию: предполагались «самые строгие меры для прекращения всяких благородному званию неприличных поступков» [10, с. 92–98]. По воспоминаниям тогдашнего слушателя и декабриста Н.В. Басаргина, М.Н. Муравьев, в отличие от своего отца, очень строго следил за дисциплиной. Колонновожатые, как юнкера, не имели права ездить, а должны были ходить пешком. Только в минус 15° мороза разрешали надевать шинели. В результате Н.В. Басаргин простудился, так как с конца января четыре раза в день в одном мундире шел от Каменного моста, где он жил, до Большой Дмитровки. Болея, он продолжал заниматься дома, попросив колонновожатых из старших классов ему помочь. Как он вспоминает, «сами офицеры на дому своем охотно занимались с теми, кто про-

сил их показать что-нибудь непонятное им. Случалось даже обращаться за пояснениями к самому генералу, и он всегда с удовольствием удовлетворял нашу любознательность. Этот дух товарищества и взаимного желания помогать друг другу был следствием того направления, которому он умел подчинить наши юные умы». Однако его сын заметил, что «некоторые из колонновожатых в низших классах иногда ложно сказываются больными и пропускают лекции, свободно гуляя по столице. Для прекращения этого беспорядка он испросил у отца разрешение отправлять «показывающихся больными в военный лазарет». Это его распоряжение многие посчитали оскорбительным и несправедливым. Когда очередной раз Басаргин не смог явиться на занятия из-за болезни, он получил записку от дежурного офицера, что, если он не явится в классы, то он будет отправлен в больницу, где он не смог бы продолжить свои занятия. Поэтому, несмотря на свою болезнь, он поехал к Николаю Николаевичу: «С волнением, почти со слезами, рассказал я ему об оскорблении, которое чувствовал, и о том, как мало заслужил подобную строгость». «Добрый Николай Николаевич, видя, что я говорю правду», разрешил не только остаться дома до полного выздоровления, но пообещал поговорить с сыном [13].

Однако впоследствии, когда М.Н. Муравьев станет попечителем Константиновского Межевого института, он будет применять очень многие педагогические принципы своего отца. По воспоминаниям Николая Васильевича Путяты, его отец обладал даром слова, умел прекрасно объяснять, обладал «искусством ожив-

лять и разнообразить» предметы. Н.Н. Муравьев был прекрасным лектором, которые пользовались большим успехом у слушателей. Николай Николаевич старался «замечать и развивать способности к образованию» своих учеников. Таких офицеров он переводил на преподавательскую работу: А.П. Болотов, князь В.М. Шаховской и др. Точно так поступал впоследствии и его сын, выделяя успешных воспитанников КМИ, давая возможность им продолжать совершенствоваться в своих знаниях в Академии наук и европейских университетах. И для отца, и для сына главным в учении было — «возбудить любовь к наукам» и «доставить средства заниматься ими в продолжении жизни» [11, с. 10, 14–15].

Кроме того, несмотря на сословный характер образования в николаевской России, во время топографической практики в Осташеве привлекались дети кантонистов, один из которых А.Н. Мамонтов стал преподавателем геодезии в КМИ и дослужился до полковника. В 1821 г. при Генеральном штабе был образован особый корпус топографов из 20 детей кантонистов [там же, с. 16–17].

До 1823 г. Н.Н. Муравьев возглавлял училище, пока не разорился. Также из-за проблем со здоровьем он отказался от дальнейшего заведования своим заведением. Оно просуществовало до 1826 г., выпустив 138 офицеров, из которых 127 было зачислено в свиту Императора по квартирмейстерской части. Спустя некоторое время, оно было закрыто, так как многие из офицеров (22 человека) были замешаны в восстании декабристов. Дом в Москве и имение впоследствии были проданы

за долги. Среди выпускников Муравьевского училища многие известные геодезисты: Павел Алексеевич Тучков (1803–1864) — директор Военно-топографического депо Генерального штаба (1843–1855), действительный член Русского географического общества с 1845 г. и московский генерал-губернатор с 1859 г.; Михаил Павлович Бронченко (1802–1855) — один из руководителей топографо-геодезических работ, участник разведывательной военно-географической экспедиции в Малой Азии, переводчик Шекспира, Гете и Мицкевича; Алексей Павлович Болотов (1803–1853) — автор учебника по геодезии; Александр Фомич Вельтман (1800–1870) — картограф, лингвист, археолог, поэт и писатель. Директор Оружейной палаты (1852–1870), член-корреспондент Академии наук (1854 год), действительный член Русского археологического общества (1869 год) и др.

Успех педагогической деятельности Николая Николаевича Муравьева повторил и его сын М.Н. Муравьев, обладавший опытом совместной с ним педагогической деятельности.

2 октября 1842 г. сенатор и тайный советник М.Н. Муравьев был назначен главным директором Межевого корпуса и попечителем Константиновского межевого института. Специальные (профессиональные) учебные заведения учреждались не при Министерстве просвещения, а при различного рода ведомствах и других министерствах. КМИ находился в ведомстве Министерства юстиции вместе с элитарным училищем правоведения. Оба учебных заведения были закрытыми. Но если училище право-

ведения с 1835 г. было «первообразным», учебные программы в КМИ совмещали два уровня образования — среднее и частично высшее. Поэтому на момент прихода М.Н. Муравьева его нельзя назвать высшим учебным заведением. Директором Межевого института еще в 1840 г. был назначен Н.П. Смецкой (1840–1856), с которым будет работать в течение почти 14-ти лет М.Н. Муравьев. Затем шесть лет — с Н.Г. Лашкаревым (1856–1864 гг.).

В Межевом архиве РГАДА находится фонд Главного директора Межевого корпуса. В нем сохранились тысячи дел, которые дают представление об огромной роли попечителя в развитии образования в институте: ежедневная переписка с директором — по несколько писем на разные темы каждый день, еженедельные отчеты института: об успеваемости и поведении каждого воспитанника, любых изменениях и событиях, которые происходят в институте, ежемесячные ведомости хозяйственной деятельности, годовые отчеты. Окончательное решение всех вопросов было за попечителем. Самое главное, все внешние связи: с министерством юстиции, академией наук, университетами и другими учебными заведениями, известными учеными, Государственным советом, Межевой канцелярией, губернаторами, Российским географическим обществом, наконец, императором, а также учебные программы и планы, устав, приглашение преподавателей, надзирателей, участие в научных исследованиях и т.п. — все решал попечитель.

Надо сказать, что двадцатилетнее (1842–1862) попечительство М.Н. Муравьева стало одним из са-

мых ярких периодов в развитии КМИ, так как кардинальные преобразования в институте с его приходом не прекращались в течение всего времени, даже тогда, когда он стал членом Государственного совета, Министром государственных имуществ, вице-президентом РГО и участвовал в подготовке проектов отмены крепостного права.

Чтобы познакомиться с институтом, М.Н. Муравьев отправился в Москву, где остановился в одном из помещений на первом его этаже (с ноября 1842 г. по февраль 1843 г.). В письмах М.Н. Муравьева Д.М. Перевощикову и Ф.Л. Морошкину с приглашением их на встречу к нему домой упоминается квартира, которую он занимает в институте, «что на старой Басманной в приходе Никиты мученика» [8, с. 80–83; 14, д. 3622, л. 262–263 об.]. Главная цель — поднять уровень образования в КМИ. Сразу же последовали первые распоряжения: составление новых программ по каждой дисциплине, приобретение книг для библиотеки, заказ различных инструментов как в отечественных мастерских, так и за границей. По его инициативе в 1843 г. был приобретен литографический станок для печати необходимых для обучения воспитанников материалов [4, с. 103].

В 1843 г. по его распоряжению создается «музеум» — физический, механический, геодезический и архитектурный, а затем минералогический «кабинет» — шкафы со стенками для инструментов, моделей, образцов горных пород, реактивов и т.п., расположенные в актовом зале [14, д. 5176, л. 2-3 об.; д. 3039, д. 3611.]. По инициативе М.Н. Мура-

вьева были организованы публичные лекции.

27 апреля 1844 г. «высочайше утвержден» новый устав, в котором КМИ назван «главным учебным заведением» в подготовке землемеров. Преподаватели в высших классах должны иметь университетское образование. Жалование и чинопроизводство директору, инспектору, надзирателям и преподавателям было значительно повышено. Число воспитанников, принимаемых с 12 лет, увеличивается до 200, учебный курс — с 4-х до 6-ти лет, а количество преподаваемых дисциплин — с 11-ти до 17-ти. Воспитанники КМИ стали выпускаться старшими землемерными помощниками с чином 12 класса. Создан новый орган управления в институте — «конференция», которая должна была решать проблемы, связанные с учебным процессом [4, с. 103–110].

Новый устав 27 апреля 1844 г. означал переход к высшему образованию. В одном из документов Министерства юстиции отмечается, что такие же права при чинопроизводстве получают выпускники лицеев, Училища правоведения, Главного Инженерного и Артиллерийского, Морского кадетских корпусов, Институты путей сообщения и Горного, Учебного отделения для восточных языков при азиатском департаменте МИД, Строительного училища при Главном управлении путей сообщения и публичных зданий [14, д. 3622, л. 369–370 об.]. Весной 1848 г. М.Н. Муравьев в донесении министру юстиции В.Н. Панину объясняет, что в КМИ преподаются некоторые науки (сферическая тригонометрия, практическая механика, общий обзор судопроизводства и учреждений, мине-

ралогия и геодезия и др.), которых нет в других учебных заведениях, готовящих землемеров. «КМИ — высшее учебное заведение по межевой части», — заключает М.Н. Муравьев [там же, д. 5350, л. 2–2 об.].

М.Н. Муравьев, всегда поощрявший стремление к учебе, был очень рад тому, что ряд воспитанников, желавших «получить, по возможности, высшее образование», обратились за разрешением прослушать курсы геодезии и минералогии», и попросил директора от своего имени похвалить их [там же, д. 3595, л. 1–2].

Большое внимание стало уделяться знанию немецкого и французского языков, преподавателями которых были носители языка [там же, д. 3876, лл. 27 об. – 34, 38 об. – 39]. По предписанию М.Н. Муравьева французский и немецкий языки в высших классах воспитанники должны знать «совершенно» — читать книги без всякого затруднения и делать переводы «безостановочно самых разных сочинений, принимая в том числе меры, чтобы воспитанники по возможности могли и объясняться на этом языке» [там же, д. 9179, л. 30–33].

М.Н. Муравьев придавал большое значение роли надзирателей, которые обязаны были следить за успехами воспитанников в учебе и за развитием нравственности: любовь к труду, уважение к родителям и старшим и безусловное повиновение начальству [8, с. 97–98], а также пожелал, чтобы надзиратели, кроме «совершенной нравственной благонадежности, имели бы знания в котором-либо из языков, французского или немецкого» [14, д. 2849, л. 3–4.]. В результате в 1848 г., как следует

из формулярного списка чиновников КМИ за 1848 г., пять надзирателей были выпускниками юридического и философского факультетов Московского университета, попавших в институт сразу же после завершения учебы. Один из надзирателей — выпускник Артиллерийского училища [там же, д. 5796].

С конца августа и до начала октября 1844 г. М.Н. Муравьев находился в Москве, чтобы наладить учебный процесс по новому уставу; изменить учебный план и составить новые программы дисциплин. Главным при составлении программ М.Н. Муравьев считал научить воспитанников применять теоретические знания на практике [8, с. 99–100]. Для обсуждения программ он приглашает профессоров университетов: астронома А.Н. Савича (1810–1883), астронома и математика Д.М. Перевощикова (1788–1880), юриста Ф.Л. Морошкина (1804–1857), математика Н.Е. Зернова (1804–1862), биолога К.Ф. Рулье (1814–1854), филолога С.П. Шевырева (1806–1864) [14, д. 5906.], профессора Военной академии А.П. Болотова (1803–1853) [там же, д. 5459, л. 16] и др. Несколько воспитанников были посланы слушать лекции известных ученых в Петербурге — академика А.К. Купфера (1799–1865), профессоров А.Н. Савича и В.Я. Струве (1793–1864). Ежедневно они обязаны были давать письменные отчеты М.Н. Муравьеву о пройденном материале [там же, д. 5491, лл. 46–49 об., 54–57, 60–62 и др.].

М.Н. Муравьев дополнительно вводит преподавание практической астрономии, для чего в 1846 г. в институте строится астрономическая об-

серватория, обустроенная инструментами, заказанными за границей [там же, д. 5491; 8, с. 105–106]. При обсерватории читать публичные лекции согласился адъюнкт московского университета А.Н. Драшусов (1816–1890) [14, д. 5454, 5954], а в 1852 г. для преподавания астрономии был приглашен Б.Я. Швейцер (1816–1873).

15 апреля 1849 г. КМИ посетил император Николай I, и институт получил права первоэлитного учебного заведения и военное устройство. Выпускным стал 8-й класс с добавлением новых дисциплин — минералогии и геогнозии, глазомерной съемки (по рекомендации императора), составление статистических и топографических описаний края. Выпускники становились прапорщиками и подпоручиками [8, с. 120].

М.Н. Муравьева волновало, чтобы «военное устройство» института не привело к тому, чтобы институт выпускал военных топографов. В Межевом корпусе ему самому были нужны люди образованные, поэтому изучение военных наук было ограничено изучением разных родов войск, управлением и умением составить военные маршруты и топографические описания [там же, с. 128–130].

Лучшие выпускники отправляются служить в Пулковскую обсерваторию и в обсерваторию Горного института. Преподаватели высшей геодезии, межевых законов, практической механики, астрономии и математики получали права, дарованные профессорам военной академии [там же, с. 124].

За десять лет преобразований М.Н. Муравьева КМИ становится престижным инженерным вузом. Кроме того, в начале 1850-х годов институт

еще дважды посещает император, члены императорской фамилии и различные должностные лица: великие князья Николай и Михаил Николаевичи, попечитель Московского учебного округа генерал-адъютант В.И. Назимов (1802–1874), приехавший в институт по совету императора, принц Петр Георгиевич Ольденбургский, цесаревич-наследник Александр и великий князь Николай Николаевич [там же, с. 126].

В 1852 г. заработала магнитная обсерватория. Для преподавания минералогии и геогнозии был приглашен ученый минералог И.Б. Ауэрбах (1815–1867). Обучать выпускников читать писцовые книги и древние документы в дополнение к всеобщей и русской истории начал И.Е. Забелин (1820–1909). Были введены пение, танцы и обучение гимнастике. Для подготовки преподавателей был образован 9-й офицерский класс, состоящий из двух лет обучения. М.Н. Муравьев привлекает воспитанников и преподавателей участвовать в научных экспедициях, в том числе организованных РГО, и для геодезических работ для составления атласа Российской империи» [там же, с. 161–163; 9, с. 116].

Занимая в середины 1850-х годов несколько государственных постов, М.Н. Муравьев не прекращает совершенствовать образование в институте. С конца июля до 11 сентября 1855 г. он находится в Москве и, уезжая, оставил своего помощника полковника И.М. Гедеонова (1816–1907), которого назначил председателем Межевой канцелярии. Гедеонов начинает контролировать учебный процесс, докладывая обо всем попечителю, который, в свою оче-

редь, продолжает заботиться об институте и его воспитанниках. В 1858 г. была устроена лаборатория для фотографирования и копирования межевых планов, карт и т.п. [8, с. 171–172], учреждена должность врача, все военные межевые чины, занимающие должности в институте, уравнены в жалованье с соответствующими должностями в военно-учебных заведениях.

Для понимания педагогических взглядов М.Н. Муравьева представляется важным его отношение к воспитанникам. Просматривая ежемесячные отчеты директора Н.П. Смецкого об успеваемости и поведении воспитанников, М.Н. Муравьев обратил внимание на то, что в институте существуют телесные наказания. Он пишет секретное предписание, в котором обращает внимание, что «подобное наказание уставом института не полагается и должно быть употребляемо в самых крайних случаях за какие-либо особенно важные проступки», поэтому он просит на будущее объяснять причины, «побуждающие ... обратиться к сей мере». Директор в рапорте ответил, что воспитанники «наказаны были за большую ленность и нерадение в науках» [14, д. 257, лл. 57–57 об., 62]. В конечном счете, М.Н. Муравьев соглашается на использование телесных наказаний, доверяя решение Н.П. Смецкому: «...из опыта будучи уверен в неустанном попечении Вашем о нравственности воспитанников вверенного Вам института и о благоразумных мерах, принимаемых вами к прекращению беспорядков, я представляю Вам на прежде существовавшем основании употреблять меры телесного наказания».

Однако он просит о необходимости каждый раз сообщать ему о причинах, чтобы быть уверенным в том, «что вообще мера эта будет разрешаема только в крайних случаях, когда никакие предварительные взыскания не достигли желаемой цели» [там же, д. 2527, л. 195–197]. Так, узнав, что телесно наказан уже взрослый 16-летний воспитанник, М.Н. Муравьев задает вопрос директору, за что он наказан и «не лучше ли исключить его ныне уже из института» [там же, д. 1751, л. 172–172 об.]. Не меньше его волнует количество больных воспитанников, их заболевания, какие принимаются меры к их лечению [там же, д. 2527, л. 61, 67–67 об.].

По утверждению А.Л. Апухтина, сам Н.П. Смецкой неоднократно заявлял, что детей необходимо любить и их доверие можно заслужить «ласковым и ровным, но отнюдь не слабым обращением» [8, с. 131]. Своих надзирателей и учителей он убеждал в том, что отношение к воспитанникам должно быть похоже на родственные отношения старших и младших и «что одною только любовью к своему делу и достоинством личным можно родить непринужденное повиновение и привязать к себе детей», а укреплению этих отношений способствует «постоянно ровное, ласковое обращение с детьми и благоразумная строгость, основанная на любви к ним» [там же, с. 77]. Н.П. Смецкой был человеком служебного долга, безукоризненно честным и преданным своему делу [там же, с. 70–71]. По его завещанию на его могиле будут написаны слова «Николай Смецкой считал лучшим временем своей жизни 15,5 лет, про-

веденных им в звании директора Константиновского межевого института» [там же, с. 175; 15, с. 119–123]. Видимо, традицию телесных наказаний, надо сказать довольно редких в институте и только в младших классах, было трудно переломить в то время, когда они существовали абсолютно во всех учебных заведениях, зачастую нелепым образом переплетаясь с искренней любовью к воспитанникам и заботой о них.

В 1842/43 учебном году — первом учебном году своего попечительства М.Н. Муравьев меняет правила приема экзаменов. В первую очередь, он создает «экзаменный комитет», состоящий из директора, инспектора, младшего члена Межевой канцелярии, и в выпускном классе — директора чертежной Межевой канцелярии. Баллы выставляются «по общему согласию» всех членов комитета. Вопросы в билетах должны соответствовать программам. В математических науках, геодезии и землемерии, межевых законах и межевом делопроизводстве особенно обращать внимание следует на «практическое прилежание». Необходимо строго следить за тем, чтобы «не допустить предварительного выбора билетов. Воспитанникам для подготовки к ответу надо дать столько времени, сколько им необходимо. Застенчивых и робких, но прилежных и знающих предмет, надо поддерживать, если они из-за своей робости сбиваются в ответах. Необходимо учитывать работу воспитанников в течение года. Следует обязать преподавателей, чтобы они следили за тем, чтобы воспитанники в свободное время занимались повторением пройденного, и помогать им «по предметам

более затруднительным». Когда экзамены закончатся, «экзаменный комитет» должен дать свое заключение и в протоколах по каждому классу объяснить причины «оставления в прежнем классе» или «удостоенных к выпуску». При выставлении оценок необходимо следовать «строгой справедливости и правильной уравнительности за успехи в науках, так и в нравственности». «Экзаменные листы» и протоколы должны быть представлены попечителю.

На публичном экзамене должны были присутствовать: товарищ Главного директора Межевого корпуса, все члены Межевой канцелярии и исправляющий должность директора чертежной, а также как можно больше «почетных посетителей». В заключение М.Н. Муравьев пообещал быть на экзаменах лично [14, д. 2479. л. 5–17 об.].

А.Л. Апухтин приводит воспоминания воспитанников, которые «его не боялись», потому что при нем было отвечать легче...», хотя «он доводил их, по их выражению, до третьего поту». Он прислушивался к чужому мнению и мог поменять свое. М.Н. Муравьев старался присутствовать на всех экзаменах, особенно на экзаменах по математике, геодезии и астрономии, смотрел чертежи [8, с. 135–136].

Представляется интересным, что с возрастом при всей своей требовательности в отношении к своим воспитанникам он начинает проявлять такие качества своего отца, как добросердечие и желание, насколько возможно, помочь даже не очень успешному воспитаннику исправить свое положение. Несмотря на заключение «экзаменного комитета» с ре-

комендацией об исключении не подающих надежды воспитанников, он сообщает, что он предварительно желает лично их видеть в будущей свой проезд в Москву, просит оставить их в классе, принять «возможные меры к поощрению их к лучшему учению, объявив им, что с приездом моим в случае дальнейшего их нерадения... будут исключены из института» [14, д. 2479. л. 150–154].

Получая от Н.П. Смецкого списки воспитанников, рекомендованных к исключению, М.Н. Муравьев не спешит их утверждать. Так, он не соглашается с исключением воспитанника Василия Григорьева и предлагает оставить его на второй год, так как ему всего 13 лет и нельзя судить «о дальнейшем развитии его способностей», «внушив» ему, что «ему оказана милость, которую он должен заслужить своим старанием в учебе и поведении...». Он согласился на исключение только, когда узнал от директора, что Григорьев, по заключению доктора, оказался «болел головою», которая была «сильно ушиблена им дома» [14, д. 2479, л. 150–154 об., 177–178]. В 1846 г. Н.П. Смецкой предлагает исключить воспитанника Аксенова, который отличается «ленностью». В ответ М.Н. Муравьев разрешил допустить Аксенова к экзаменам [там же, д. 3882, л. 3–3 об.]. Следом Н.П. Смецкой предложил исключить из воспитанников Якова Лукина, который позволил «неприличные выходы во время пения вечерней молитвы». В ответе директору Н.М. Муравьев написал, что «приняв... во внимание молодость его», а «также удовлетворительные успехи в учении, не зная обстоятельств проступка», ему труд-

но решить вопрос об его исключении. Поэтому необходимо сообщить все подробности происшествия, а пока ограничить наказание, отправив его в «уединенную комнату» [там же, д. 5372, л. 4–5].

В ответ на решение «экзаменного комитета» исключить «малоуспешных» трех воспитанников в предписании от 26 августа 1846 г. М.Н. Муравьев отказался поддержать решение комитета: воспитанник Прутковский учится в институте только один год, а по уставу увольнение возможно только через два года, Демидову — 13 лет, Делюсто — 14 лет и он является одним из лучших по искусству, поэтому его следует оставить до января 1847 г., проведя дополнительное испытание. Муравьев неоднократно повторяет, что воспитанникам следует внушить, чтобы, воспользовавшись милостью начальства, они старались оправдать ожидания успехов в учебе и поведении. Он также настоял на оставлении воспитанника 7-го (младшего) класса Николая Орлова, рекомендованного «экзаменным комитетом» к возвращению к родителям, еще на один год [там же, д. 4868, л. 229–232]. Однако в сентябре директор сообщает об исключении и отправке к родителям всех четырех воспитанников, как не оправдавших надежд [там же, д. 4868, л. 242–243].

При утверждении переводов воспитанников в высшие классы в 1849 г. М.Н. Муравьев приказал передать воспитаннику Померанскому, что его следовало бы исключить из института, но «он оставлен в заведении по уважению к молодости», и если он в будущем году не исправится, то будет исключен [там же, д. 6653, л. 3]. Таким

образом в период своего попечительства М.Н. Муравьев, не соглашаясь с мнением директора, а иногда даже «экзаменного комитета», неоднократно выступает против исключения нерадивых воспитанников, надеясь на их исправление.

В 1846 г. директор обратил внимание на то, что при поступлении в институт на казенное содержание преимущество имеют дети из обеспеченных семей, чьи родители имеют возможность лучше подготовить своих детей к вступительным испытаниям, хотя они впоследствии «не показывают должных успехов». В то же время дети бедных родителей, но с отличными способностями, лишены средств для подготовки. Директор предложил определять на вакансии казенных пансионеров тех детей (при условиях, положенных §18-м устава), родители которых представляют законное свидетельство о совершенно бедном состоянии...» [там же, д. 4868, л. 199–199 об.]. Надо сказать, что М.Н. Муравьев посчитал это предложение справедливым, но попросил обойтись без требования официальных документов о бедности [там же, д. 4868, л. 213–215 об.].

Все увеличивающаяся учебная нагрузка вызывала недовольство директора. Он считал, что усвоить требуемый объем знаний очень сложно. Воспитанники из-за этого не рассчитывают на успешное завершение обучения, что, в свою очередь, «порождает у них лень», и некоторых из них приходится исключать. Однако М.Н. Муравьев настаивает на своем: следует лучше следить за воспитанниками низших классов, а с теми, кто не успевает, проводить дополнительные занятия [8, с. 149–150].

После экзаменов в 1854 г. 22 человека были исключены и 14 человек остались второгодниками. М.Н. Муравьев объявил выговор инспектору и потребовал усилить надзор как за воспитанниками, так и за теми преподавателями, у которых воспитанники не сдали экзамены. Кроме того, обратил внимание на учебные пособия, в которых следует устранить недостатки. В связи с тем, что практически перестали собираться «конференции», потребовал возобновить их работу, увеличив состав. В частности, были включены председатель Межевой канцелярии и помощник управляющего Межевым корпусом. М.Н. Муравьев, негативно относившийся к переэкзаменовкам, их разрешил, но сам экзамен был максимально усложнен. Н.Л. Апухтин вспоминал, что М.Н. Муравьев в основном присутствовал на экзаменах старших классов, но всегда с самого начала экзамена (9.00) и до конца (16.00) [там же, с. 155–156]. Были заведены красные и черные доски для успешных воспитанников и воспитанников дурного поведения.

Как и его отец Николай Николаевич, М.Н. Муравьев постоянно следил за успешными воспитанниками и делал все, чтобы помочь наиболее талантливым. В 1858/59 учебном году он предложил воспитанников, окончивших с отличием 9-й класс, переводить на дальнейшее обучение, которое было продлено до двух лет и включало отправку за казенный счет на учебу за границу. Обратившись к императору, он получил разрешение за казенный счет отправить 1–2-х офицеров, одним из которых стал Алексей Летников. Прослу-

шав курс математики в Московском университете, он был отправлен на два года за границу [там же, с. 187–189]. А.В. Летников (1837–1888) стал известным математиком и педагогом, членом-корреспондентом Академии наук, профессором Московского технического училища и директором Александровского коммерческого училища. Он первый из выпускников КМИ защитил докторскую диссертацию в Лейпцигском университете [9, с. 151].

В конце 1859 г. были командированы за границу за счет казны «в замечательнейшие тамошние учебные заведения...» в Бельгию, Францию и Германию инспектор А.Л. Апухтин, поручики Тихеев и Зиновьев, в 1861 г. — штабс-капитан Рашков и поручик Зубатов. После возвращения из-за границы А.Л. Апухтина, изучавшего систему преподавания в парижской Политехнической школе и Брюссельской военной школе, была введена система дополнительных занятий с отстающими. Была оставлена только черная доска, как крайняя степень наказания [8, с. 192]. Телесные наказания исчезли в КМИ с начала царствования Александра II.

Отправляя выпускников-отличников в научные экспедиции, М.Н. Муравьев обязывал начальников партий «доносить» ему ежемесячно об успехах их занятий и о поведении. Он неоднократно повторял: «...я искренне желал бы и впоследствии быть им полезным по службе и следить за их действиями, доколе они утвердятся в правилах на поприще жизни», а также просил директора передать им его просьбу писать ему, подписывая на конверте «в собствен-

ные руки» [14, д. 4865, л. 200–200 об.; д. 4868, л. 206–209 об.].

М.Н. Муравьев постоянно заботился о нравственном воспитании, поэтому, даже отпуская воспитанников в отпуск на праздники к родителям, постоянно напоминал в предписании директору, что могут быть отпущены только те воспитанники, которые «действительно прилежанием и благонаравием заслуживают внимание начальства и родители которых достаточно благонадежны в отношении сохранения нравственности детей своих» [там же, д. 8113, 8093 и др.]. Даже после окончания надзиратели по его указанию должны были наблюдать за воспитанниками, у которых нет родителей и поэтому живут они «на общих квартирах» [там же, д. 6640].

20 ноября 1862 г. КМИ посетил император Александр II, а 29 ноября 1862 г. М.Н. Муравьев ушел в отставку. На его место был назначен И.М. Геденов [8, с. 246–247].

В заключение можно сказать, что, благодаря М.Н. Муравьеву, КМИ становится одним из самых динамично развивающихся и известных учебных заведений. Институт был оснащен дорогостоящими новейшими инструментами и богатой библиотекой, построено две обсерватории, устроены специализированные кабинеты и лаборатории. Обучение

увеличилось с 4-х до 10-ти лет с последующей стажировкой лучших студентов и преподавателей в европейских высших учебных заведениях. Постоянно осуществлялась связь с известными университетскими профессорами, преподавателями ведущих военных учебных заведений и ученых Академии наук. Как результат, с каждым годом растет количество желающих учиться в КМИ. Увеличивается число прошений родителей о зачислении их детей в воспитанники [14, д. 4868, лл. 131–146, 149, 131–146, 149, 131–146, 149, 285, 286, 287, 304, 318 и др.].

А.Л. Апухтин писал, что институт был «любимейшим детищем» М.Н. Муравьева: «своим постоянным вниманием к институту, своею воистину просвещенной заботой об учебной его части, своею лаской и отличием по службе лучших воспитанников он развил в институте любовь к труду... Служить при М.Н. Муравьеве было трудно, но и чрезвычайно приятно. Сам он, неутомимый труженик, заставлял трудиться и других много [8, с. 246]. Преподаватель математики А.М. Ламовский вспоминал, что обсуждения программ затягивались до 2-х часов ночи, а к 9-ти часам необходимо было принести выполненную работу [там же, с. 85]. При этом М.Н. Муравьев всегда высоко ценил успех в работе своих подопечных и всегда умел отблагодарить.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев, С.В.* М.Н. Муравьев-Виленский: политическая биография: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02, Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2007.
2. *Бендин, А.Ю.* Граф Михаил Николаевич Муравьев-Виленский — усмиритель и реформатор Северо-Западного края Российской империи. [б.м.], 2017.
3. *Дунаева, Н.В.* Между сословной и гражданской свободой: эволюция правосубъективности свободных сельских обывателей Российской империи в XIX веке. СПб., 2010.

4. *Емченко, Е.Б.* М.Н. Муравьев и Константиновский межевой институт // На службе отечеству: памяти Михаила Николаевича Муравьева (1796–1866). Сборник научных трудов и документов. СПб.: Президентская библиотека, 2017.
5. *Жуковская, Т.Н.* Братья Муравьевы в Отечественной войне 1812 года // На службе отечеству: памяти Михаила Николаевича Муравьева (1796–1866). Сборник научных трудов и документов. СПб.: Президентская библиотека, 2017.
6. На службе отечеству: памяти Михаила Николаевича Муравьева (1796–1866). Сборник научных трудов и документов. СПб.: Президентская библиотека, 2017.
7. *Федосова, Э.П.* Граф М.Н. Муравьев-Виленский (1796–1866). Жизнь на службе империи. М., 2015.
8. *Апухтин, А.Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2002.
9. *Кусов, В.С.* Московский государственный университет геодезии и картографии (МИИГАиК). История создания и развития. 1779–2004 / под ред. В.П. Савиных. М., 2004.
10. *Кропотков, Д.А.* Жизнь графа М.Н. Муравьева, в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно: Биогр. очерк. СПб., 1874.
11. *Путята, Н.В.* Генерал-майор Н.Т. Муравьев, биограф. очерк. СПб., 1852.
12. *Самаль, А.* Справка на букву М. Муравьев Михаил Николаевич (электронный ресурс). Проект «Виртуальный музей декабристов». Материал составлен согласно ГАРФ. Ф.48. Оп.1. Д.189. URL: http://decemb.hobby.ru/index.shtml?alphavit/alf_m (дата обращения: 12.07.2019).
13. *Басаргин, Н.В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988. URL: http://www.hrono.info/libris/lib_b/basarg_uceba.html (дата обращения 13.07.2019).
14. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1295. Оп. 1. Канцелярия Главного директора Межевого корпуса и Управление межевой частью Министерства Юстиции, г. Петербург.
15. *Рыжкова, Е.В., Широкопад, И.И.* К вопросу о деятельности Н.П. Смецкого на посту директора Константиновского межевого института // Московский экономический журнал. М., 2016. № 4.

REFERENCES

1. Ananov S.V. *M.N. Muravev-Vilenskij: politiceskaja biografija: Extended Abstract of Phd dissertation (History)*. Saratov, 2007. (in Russian).
2. Apuhtin A.L. *Ocerk istorii Konstantinovskogo mezevogo instituta s 1779 po 1879 god*. Moscow, 2002. (in Russian).
3. Basargin N.V. *Vospominanija, rasskazy, stati*, Irkutsk, Vostocno-Sibirskoe kniznoe izdatelstvo, 1988, available at: http://www.hrono.info/libris/lib_b/basarg_uceba.html (accessed: 13.07.2019).
4. Bendin A.Ju. *Graf Mihail Nikolaevic Muravev-Vilenskij — usmiritel i reformator Severo-Zapadnogo kraja Rossijskoj imperii*. Bendin, 2017. (in Russian).
5. Dunaeva N.V. *Mezdu soslovnoj i grazdanskoi svobodoi: evoljucija pravosubektivnosti svobodnyh selskih obyvatelej Rossijskoj imperii v XIX veke*. Saint-Petersburg, 2010. (in Russian).
6. Emcenko E.B. M.N. “Muravev i Konstantinovskij mezevoj institute”, in: *Na sluzbe otecestvu: pamjati Mihaila Nikolaevica Muraveva (1796–1866)*. *Sbornik naucnyh trudov i dokumentov*. Saint-Petersburg, Prezidentskaja biblioteka, 2017. (in Russian).

7. Zukovskaja T.N. "Bratja Muravevy v Otecestvennoj vojne 1812 goda", in: *Na sluzbe otecestvu: pamjati Mihaila Nikolaevica Muraveva (1796–1866). Sbornik naucnyh trudov i dokumentov.* Saint-Petersburg, Prezidentskaja biblioteka, 2017. (in Russian).
8. Kropotkov D.A. *Zizn grafa M.N. Muraveva, v svjazi s sobytijami ego vremeni i do naznacenija ego gubernatorom v Grodno: Biogr. ocerk.* Saint-Petersburg, 1874. (in Russian).
9. Kusov V.S. *Moskovskij gosudarstvennyj universitet geodezii i kartografii (MIIGAiK). Istorija sozdanija i razvitija. 1779–2004*, ed. V.P. Savinyh. Moscow, 2004. (in Russian).
10. *Na sluzbe otecestvu: pamjati Mihaila Nikolaevica Muraveva (1796–1866). Sbornik naucnyh trudov i dokumentov.* Saint-Petersburg, Prezidentskaja biblioteka, 2017. (in Russian).
11. Putjata N.V. *General-major N.T. Muravev, Biograf. Ocerk.* Saint-Petersburg, 1852. (in Russian).
12. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA). F. 1295. Op. 1. *Kanceljarija Glavnogo direktora Mezevogo korpusa i Upravlenie mezevoj castju Ministerstva Justicii*, Saint-Petersburg. (in Russian).
13. Ryzkova E.V., Sirokorad I.I. K voprosu o dejatelnosti N.P. Smeckogo na postu direktora Konstantinovskogo mezevogo instituta, *Moskovskij ekonomiceskij zurnal.* Moscow, 2016, No. 4.
14. *GARF.* F. 48. Op. 1. D. 189, Samal A. Spravka na bukvu M. Muravev Mihail Nikolaevic. Proekt «Virtualnyj muzej dekabristov», Material sostavljen soglasno, available at: http://decemb.hobby.ru/index.shtml?alphavit/alf_m (accessed: 12.07.2019). (in Russian).
15. Fedosova E.P. *Graf M.N. Muravev-Vilenskij (1796–1866). Zizn na sluzbe imperii.* Moscow, 2015. (in Russian).

Емченко Елена Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, учебно-научный центр актуальных проблем исторической науки и образования им. А.Г. Кузьмина, заведующая кафедрой, Московский педагогический государственный университет; Московский государственный университет геодезии и картографии, emchenko@list.ru

Emchenko E.B., PhD in history, Senior Researcher, Kuzmin Educational and Research Center of Actual Problems of Historical Science and Education, Chairperson, Moscow Pedagogical State University; Moscow State University of Geodesy and Cartography, emchenko@list.ru